

УДК 94(517+47)
DOI: 10.18101/2305-753X-2020-2-18-24

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ КУПЦОВ ПРОВИНЦИИ ШАНЬСИ В МОНГОЛИИ И СИБИРИ

© Карпенко Елена Васильевна

ассистент,
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79
sinaeva@mail.ru

© Гармаева Татьяна Иннокентьевна

кандидат философских наук, заведующая лабораторией Института Внутренней Азии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
tanya_osogova@mail.ru

Аннотация. В статье представлена сравнительная характеристика организаций торговой деятельности купцов провинции Шаньси на территории Монголии и Сибири в период правления династии Цин. На основе анализа источников на русском и китайском языках определены основные особенности экономического поведения торговцев из Шаньси на монгольском и сибирском рынках. В современных условиях активизации сотрудничества России, Монголии и Китая в различных сферах опыт трехстороннего взаимодействия на территории трансграничья требует переосмысления. Одним из особенно важных аспектов взаимоотношений народов Сибири, Монголии и Китая выступает исследование торговли как интенсивного и значимого пути межкультурных контактов. Изучение исторического опыта торговых отношений на территории Сибирь — Монголия — Китай в период правления династии Цин представляет интерес не только с позиции анализа особенностей ведения торговли субъектами экономических отношений в рассматриваемом районе, но и с точки зрения понимания процесса формирования стереотипов народов друг о друге.

Ключевые слова: купечество провинции Шаньси, торговля, Сибирь, Монголия, Цинская империя.

Для цитирования

Карпенко Е. В., Гармаева Т. И. Организация торговли купцов провинции Шаньси в Монголии и Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. Вып. 2. С. 18–24.

На протяжении всего периода правления Цин одним из главных субъектов трансграничной торговли Сибирь — Монголия — Китай выступали китайские торговцы из провинции Шаньси, которые раскинули сеть торговых домов по всей территории региона. Торговые дома китайского купечества в Монголии и Сибири являлись важным фактором определения характера экономических отношений в регионе [3]. В статье представлен анализ особенностей организации торговой деятельности китайского купеческого сообщества провинции Шаньси в Монголии и Сибири.

Первые экономические контакты шаньсийских торговцев с монголами начались задолго до правления Цинской династии. Несмотря на постоянные монголо-

китайские конфликты, изменения в соотношении сил, обе стороны остро нуждались в развитии двусторонних торговых связей. Товарообмен был необходим как кочевникам-скотоводам, так и земледельческой экономике Поднебесной. Оформившаяся пограничная торговля Минской династии с монгольскими кочевниками являлась важным фактором поддержания мира на границе [3]. Приход к власти Цинской династии и расширение границ Цинской империи предоставили купеческим организациям Шаньси возможность выйти за границы Монголии. К началу XVIII в. на территории Монголии начались процессы формирования разветвленной системы шаньсийских организаций, монополизации монгольского рынка торговцами из Шаньси. Политика изоляции Монголии, ее статус «китайской Сибири» определили организационные принципы и нормы китайско-монгольского товарообмена. Принципы и нормы экономического поведения определялись особенностями быта кочевников и торговой этикой купечества Шаньси [3].

Ко второй половине XIX в. шаньсийские фирмы практически полностью монополизировали китайско-монгольскую торговлю. Ко времени прихода русских торговцев китайские купцы организовали торговую сеть по всем хошунам: «везде, где кочевник, там и «майхен» китайца; он кочует вместе с монголом, живет с ними круглый год одною жизнью, одевая их в дешевую далимбу, снабжая всем необходимым и собирая от монгола все, что последний может продать» [6].

Торговые дома активно поддерживались государством. Пользуясь практически монопольным положением на монгольском рынке и спецификой товарообмена («сезонная» торговля: летом товар обменивали на скот, зимой — на кожи), китайские торговцы устанавливали неоправданно высокие цены. Так, например, за одну пару монгольских сапог выменивали лошадь, 1 кирпич чая (весом от 1 кг 750 г до 2 кг 750 г в зависимости от сорта) меняли на одну овцу [6, с. 306], один цзинь (1 цзинь — мера веса, равная 0,5 кг) китайской водки обходился кочевникам в одну монету серебром. К началу XX в. в связи с приходом русских торговцев и усилением конкуренции в регионе стоимость скота увеличилась: одного барана меняли на 12–15 кусков чая, верблюдов стоил дороже раз в 10 [14, с. 296].

Крупные торговые дома имели возможность вести торговлю с кочевниками в кредит. В систему кредита были вовлечены все хошуны. Купеческие организации Шаньси стали ростовщиками Монголии: «хошунная торговля китайцев весьма выгодна, и эта выгода обуславливается главным образом тем, что они дают товар в долги, которые собирают ежегодно» [9, с. 317]. Проезжающий по Монголии в 70-х гг. М. В. Певцов отмечал явное «неудовольствие [монголов] на китайские торговые компании в Монголии, эксплуатирующие безжалостно туземное население» [8, с. 317]. Путешественники в своих наблюдениях часто отмечают разоренные хошуны, бежавших от кредиторов монголов. Члены экспедиции 1892–1893 гг. А. М. Позднеева столкнулись с проблемами покупки баранины в хошуне, который был практически разорен китайцами банкирского дома «Дашэнкуй»: стада увели за долги [9, с. 407].

В Государственном архиве Монголии хранится немало свидетельств о постоянном росте долговых обязательств кочевников. В 1870 г. 86 джасаков докладывали о бедственном положении населения, о невозможности при таких обстоятельствах выплачивать долги. Долг одного из хошунов Халхи перед фирмой «Дашэнкуй» в 1875 г. составил 15 тыс. лян серебром (помимо уже погашенной задолженности) [12, с. 17]. К середине XIX в. купеческие организации Шаньси занимали монопольное положение на рынке, долговые обязательства монгольских джасаков

позволяли даже в неблагоприятные для торговой деятельности периоды (например, дунганское восстание) сохранять и приумножать капитал [3].

Проблема вопроса о численности китайских торговцев в Монголии в настоящее время освещена весьма слабо. Китайские исследователи (Чжан Чжэнмин, Лу Минхуй, Гэ Сяньи и др.) в работах, посвященных организации китайско-монгольской торговли, уделяют внимание отдельным компаниям и их филиалам в регионе. Хошунные торговцы в большинстве являлись представителями крупных фирм, поэтому проблемы организационной структуры и особенности деятельности хошунных торговцев китайские историки рассматривают сквозь призму деятельности торговых домов [3].

Статус закрытого района и особый режим пребывания китайцев в Монголии, в частности китайских торговцев, оказывали влияние на динамику численности купцов в регионе. Точных данных о численности китайских торговцев в Монголии во второй половине XIX — начале XX в. нет. По сведениям прибывшего в начале 60-х гг. XIX в. в Монголию Я. П. Шишмарева, по всей территории Халхи насчитывалось более 10 тысяч китайских торговцев [13]. В некоторых городах китайские торговцы составляли основную часть населения [3]. По свидетельствам Лу Люйжэня (потомка китайских торговцев в Халхе, получившего образование в России, в первые годы республики поддерживавшего связь между Кулуном и Россией в районе Кяхты, автора «Заметок о событиях во Внешней Монголии»), являвшегося свидетелем событий Синьхайской революции в Монголии и Кяхте, после падения Урги более 10 тысяч торговцев бежали в Кяхту, в день через Кяхту проходило до 500 человек [4, с. 92]. Оттуда через Верхнеудинск и Читу торговцы бежали в Маньчжурию, дальше — в родную провинцию Шаньси.

Таким образом, организация торговли в Монголии купечеством Шаньси отличалась четкой структурой всей торговой сети, многочисленностью купцов в регионе, большой ролью неравноправной торговли и торговли «в кредит». Торговая деятельность шаньсийцев в Сибири была организована несколько иначе и имела ряд особенностей. В отличие от монгольского рынка, шаньсийское купечество в Кяхте встретило профессиональных торговцев, а не кочевников, живущих натуральным обменом. Кроме того, торговая деятельность торговых фирм Шаньси в Монголии активно поддерживалась цинским правительством, Лифаньюань и ургинский амбань закрывали глаза на растущие задолженности монгольских князей и аратов перед шаньсийцами. В Монголии шаньсийским купечеством широко использовались неэквивалентная торговля, торговля в долг под процент и т. п. В Кяхтинском торге дела обстояли иначе: торговля носила межгосударственный характер, шаньсийское купечество являлось представителем не только своей родной провинции, но и целой империи. Являясь монополистами в русско-китайской торговле они, с одной стороны, пользовались правительственной поддержкой, с другой — находились в прямой зависимости от указаний из центра и политической ситуации в регионе. Зачастую их коммерческие интересы приносили в жертву политическим отношениям Пекина и Петербурга. На протяжении XVIII в. в силу различных причин Пекин в одностороннем порядке несколько раз прекращал Кяхтинскую торговлю. Таким образом, несмотря на монополистическое положение, занимаемое купеческими организациями провинции Шаньси на рынке Кяхтинской торговли, их деятельность находилась в большой зависимости от политической ситуации и позиции цинского правительства в русско-китайских отношениях [3].

Русско-китайская торговля в Кяхте, а позже — на приграничных территориях и в Сибири, была представлена с китайской стороны рядом крупных известных фирм, развернувших свою деятельность через приказчиков. В историю русско-китайской торговли в Сибири вошли известные в Цинской империи купеческие организации провинции Шаньси: «Дашэнкуй» 大盛魁, «Тяньхэсин» 天和兴, «Дашэньюй» 大盛玉, «Фуюандэ» 福源德 и др. В «Суйфу цзилюе» отмечалось, что «в кяхтинской торговле участвуют торговцы провинции Шаньси, которые через Чжанцзякоу везут чай, ткани ... обменивают их на меха разные... Торговцы... имеют большие барыши на этом деле» [11, с. 287]. До второй половины XIX в., в условиях пограничной торговли (когда Монголия была закрыта для русских торговцев, а Сибирь — для китайцев) и монопольного положения шаньсийцев на кяхтинском рынке участие купечества Шаньси в русско-китайской торговле, несмотря на ряд расходов, связанных с оформлением разрешительных бумаг, являлось весьма выгодным предприятием [3].

Шаньсийские фирмы находились под покровительством правительства, занимая монопольное положение в Монголии, полностью контролировали торговый путь до Кяхты. Со второй половины XIX в. ситуация изменилась. Русско-китайские отношения вышли на новую ступень развития, изменились условия русско-китайской торговли. Шаньсийские купцы столкнулись с рядом трудностей, связанных в первую очередь с позицией цинского правительства относительно русско-китайского торга. Уже после подписания Пекинского договора 1860 г. опасения китайской стороны, касающиеся проникновения русских торговцев вглубь на территорию Монголии, стали одним из факторов влияния как на переговоры по согласованию правил сухопутной торговли, которые практически непрерывно велись на протяжении 60-х гг. XIX в., так и на процесс проникновения китайских торговцев на территорию России. Разное толкование русско-китайских соглашений зачастую не только становилось причиной конфликтов и противоречий на местном уровне, но и тормозило расширение географических рамок торговых отношений обеих сторон [3]. Находясь в положении полуколониальной державы, китайская сторона весьма осторожно подходила к условиям договоров, их трактовке и исполнению. Любое новое предложение рассматривалось цинским правительством в контексте уже существующего давления и планомерного проникновения Запада на внутренний рынок Китая [3]. Без поддержки властей китайские торговцы не решались нарушить прежний двухсотлетний запрет о въезде в Россию с целью занятия торговой деятельностью. Позже российские современники считали, что китайское купечество и местные власти вообще не осведомлены о новых положениях, принятых в 1860–1862 гг. Представитель сибирского купечества И. Носков в своих статьях о русско-китайской торговле писал, что «в китайском трибунале даже не знают, что китайцам дозволено торговать внутри России, так как там полагают, что едва ли они имеют право на выезд из Китая с этою целью» [7, с. 14]. О подобного рода «незнании» упоминает в своих отчетах генерал-губернатор Восточной Сибири.

Численность шаньсийских торговцев в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. изменилась незначительно. В 1869 г. в Сибирь через Кяхту въехало 557 человек, а в 1894 г. — 674 человека с целью торговли [2, с. 43]. Основная масса китайских торговцев была сосредоточена в Восточной Сибири [3].

В материалах по губерниям Западной Сибири китайские магазины представлены в Томске, Томском уезде. На протяжении 90-х гг. XIX в. в Томске занимались

торговлей два торговца, торговали чаем и «китайскими товарами» [1, с. 2873]. В начале XX в. в Барнауле открылся китайский магазин шелка и китайских изделий [1, с. 2878].

В Восточной Сибири китайские торговцы вели свои дела в Енисейске, Красноярске, Минусинске, Иркутске, Верхнеудинском уезде, Селенгинске и Селенгинском округе. Количество китайских торговцев в Енисейской губернии практически не изменилось: в 1895 г. в Красноярске и Енисейске открыли свои лавки торговцы чаем [1, с. 2171], в 1897 г. в Минусинске появился торговец чаем Ча Ку Чень [1, с. 3275], в 1899 г. в Енисейске работали уже два китайских магазина, в Минусинске и Красноярске — по-прежнему по одному торговцу [1, с. 1897]. В Иркутске в конце XIX в. занимались торговлей 8–10 торговцев [1, с. 1898]. В конце XIX в. китайские торговцы расширяют свою деятельность из городов до уездов и округов: в 1897 г. в Верхнеудинском уезде около 10 китайских торговцев ведут торговлю «мануфактурными и различными товарами» [1, с. 3321], в самом Верхнеудинске два торговца Тянь-ху-син и Вый-лен-то открыли магазины [10, с. 549], в Селенгинске и Селенгинском округе появляются китайские торговцы [10, с. 3323–3324]. Рост численности китайских торговцев наблюдается в основном в Забайкалье. Близость к границе с Цинской империей, близость к торговому городу Маймайчэну объясняет постоянный приток торговцев из Китая в Забайкальскую область. Медленное продвижение китайских торговцев на запад, их стремление открыть торговлю поблизости от границы в Забайкалье также связаны с действующими правилами русско-китайской торговли.

В конце XIX — начале XX в. в Кяхте по-прежнему торговали шаньсийцы. Представителей других купеческих организаций Цинской империи не было. Кяхтинский Маймайчэн практически не отличался от маймайчэнов Монголии. Вдали от родины шаньсийские торговцы старались организовать свой досуг: был создан музей Шицзиньлоу, разбиты три сада [4, с. 81]. Помимо торговой деятельности, организации собственного досуга перед купцами стоял вопрос организации безопасности. Одним из важных аспектов сохранения порядка представляется создание шаньсийцами пожарной организации «Бацзяцзу» 八甲组 [4].

Согласно данным, представленным в заметках Лу Люйжэня, в начале XX в. в Кяхте сохранились крупные фирмы, имеющие филиалы в Москве, Барнауле, Баргузине, Бийске, Томске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске: «Фуюаньдэ» 福源德, «Тяньхэсин» 天和兴, «Хэнлунгуан» 恒隆光 (купцы Цяо), «Цзиньтайсян» 锦泰享 (купцы Цяо), «Цзиучэнцин» 久成庆, «Юньюйхэн» 永玉恒, «Тяньцинлун» 天庆隆, «Сянфаюнь» 祥发永, «Гунхэшэн» 公合盛, «Юнгуанфа» 永光发 и др. [4, с. 79]. Среди них известные торговые дома купцов Чан («Дашэньюй» 大升玉, «Дацюаньюй» 大泉玉, «Душэньюй» 独慎玉), фирма Ню Юньгуаня по продаже мехов и кожи Монголии «Бигуанфа» 璧光发.

К началу XX в. русские купцы заняли сибирский рынок чая. Китайские торговцы в Иркутске и Забайкалье торговали преимущественно «китайскими товарами», «мануфактурными и различными товарами» [4, с. 79]. Ассортимент товаров шаньсийских магазинов был представлен черным и кирпичным чаем, шелком. В Сибирь, особенно в Забайкалье, ввозили сахар леденец, в силу дороговизны русского сахара рафинада китайский сахар леденец пользовался спросом. Из России шаньсийцы вывозили сахар, муку, выделанные кожи и меха. В Енисейской губер-

нии и части Западной Сибири китайские торговцы открывали магазины по продаже чая, но количество их было невелико — один-два магазина в крупных городах губерний. Из Красноярской городской думы летом 1869 г. сообщали о китайском торговце, производившем торговлю в гостинице Соколова товарами «чая, чусунчи, китайских материй, пуговиц, запонок и тому подобной мелочи китайских произведений» [4].

Сведений о хозяйственной деятельности, быте шаньсийских торговцев в Сибири крайне мало. Торговцы из Шаньси не стремились осесть в России, их интересы заключались в получении прибыли: заработав небольшой капитал, шаньсиец покидал Сибирь. Больших магазинов они не открывали. Стоит отметить, что известные в Цинской империи названия купеческих организаций провинции Шаньси в Сибири не фигурировали не в вывесках, не в документах. Шаньсийские торговцы получали разрешительные документы на свое имя, поэтому и магазины их проходили под именем владельца, то есть приказчика шаньсийской фирмы. Сибирский торгово-промышленный календарь и торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи «Вся Россия» содержат имена владельцев магазинов.

Природно-географические условия, экономическая и военно-стратегическая политика Мин способствовали выдвиганию шаньсийских торговцев к северным границам империи. Сложившаяся в начальный период правления Цин упорядоченная система торговых домов, банкирских контор и дочерних компаний, паевая система организации капитала, принцип крепких земляческих отношений и тесные связи с чиновничьим аппаратом Цинской империи — все эти факторы стали залогом успешного продвижения шаньсийского купечества в Монголию и Сибирь. Выступая в качестве послушного инструмента политики цинского правительства на пограничных рубежах, купцы провинции Шаньси из лавочников Минского периода превратились в мощную корпорацию, монополиста трансъевразийской торговли с китайской стороны. Несмотря на то, что шаньсийцы длительное время играли роль монополиста на рынках Монголии и Сибири, организационные основы торговли находились в зависимости от таких факторов, как поддержка цинского правительства, уровень развития экономических отношений в регионе, конкуренция с русскими торговцами. В Монголии шаньсийские купцы чувствовали себя более уверенно, опираясь на поддержку местного чиновничества, пользуясь возможностями неравноправного обмена и широко развивая торговлю в долг. В Сибири купцы из Шаньси столкнулись с иными условиями: позиция невмешательства по вопросу пребывания и продвижения шаньсийцев на территорию Российской империи, профессионализм русских предпринимателей — все это определило невысокую численность шаньсийских торговцев в Сибири и весьма скромный характер их деятельности на сибирском рынке.

Литература

1. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб., 1895. Т. 1.; 1897. Т. 2.; 1899. Т. 1.; 1902. С. 2878
2. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. С. 43.
3. Карпенко Е. В. Китайские купеческие организации провинции Шаньси в Монголии и Сибири в период Цинской империи: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2019. 201 с.

4. Лу Люйжэнь. Заметки о событиях во Внешней Монголии (Ваймэнгу цзяньвэнь цзилюэ) // Избранные материалы по истории и культуре (Вэньши цзыляо суаньцзи). Пекин, 1982. № 63. С. 78–97.
5. Материалы по истории Хух-Хото (Хухэхаотэ шияо). Хух-Хото, 1983. Т 1. С. 306.
6. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 5.
7. Носков И. Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб., 1870. С. 10.
8. Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883. С. 137.
9. Позднеев А. М. Монголия и монголы. СПб., 1898. Т. 2. С. 20.
10. Сибирский торгово-промышленный календарь. Томск, 1896. С. 30.
11. Сун Юнь. Суйфу цзилюэ // Сяофан хучжай юди цунчао / под ред. Ван Сици. Шанхай, 1891. Т. 4. С. 287.
12. Хэсигэтуя. Исследование кредитных обязательств люймэншан Внешней Монголии в конце XIX — начале XX в. (19 шицзимо 20 шицзичу Ваймэнгу дэ люймэншан чжаю яньцзиу): магистерская дис. Хух-Хото: Педагогический университет Внутренней Монголии, 2013. С. 20.
13. Шишмарев Я. П. Записка действительного статского советника Шишмарева 27 февраля 1886 г. // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sismarev_otcet/frameset1.htm (дата обращения: 29.10.2020).
14. Яо Минхуй. Описание Монголии (Менгучжи). Т. 3. Торговля (Маои). Пекин, 1907. С. 30.
15. Нэй Мэнгу вэньши цзыляо. «Люймэншан «Дашэнкуй» // Материалы по истории и культуре Внутренней Монголии: «Дашэнкуй» — бродячие по Монголии торговцы. Хух-Хото, 1984. Вып. 12. 194 с. (на кит. яз.). С. 40.

ORGANIZATION OF TRADE OF SHANXI PROVINCE MERCHANTS IN MONGOLIA AND SIBERIA

Karpenko V. Elena

Assistant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

E-mail: sinaeva@mail.ru

Garmaeva I. Tatiana

Cand. Philosophy Sciences, Buryat State University named after D. Banzarov

E-mail: tanya_osorova@mail.ru

The article presents a comparative characteristic of the organization of trade activities of merchants of Shanxi province on the territory of Mongolia and Siberia during the Qing dynasty. Based on the analysis of sources in Russian and Chinese, the main features of the economic behavior of Shanxi traders on the Mongolian and Siberian markets are determined. In modern conditions, the intensification of cooperation between Russia, Mongolia and China in various fields, the experience of trilateral interaction on the territory of the cross-border area requires rethinking. One of the particularly important aspects of the relationship between the peoples of Siberia, Mongolia and China is the study of trade as an intensive and significant path of intercultural contacts. The study of the historical experience of trade relations on the territory of Siberia — Mongolia — China during the reign of the Qing dynasty is of interest not only from the standpoint of analyzing the peculiarities of trade by subjects of economic relations in the region under consideration, but also from the point of view of understanding the process of forming stereotypes of peoples about each other.

Keywords: merchants of Shanxi province, trade, Siberia, Mongolia, Qing empire.

Статья поступила в редакцию 01.10.2020; одобрена после рецензирования 30.11.2020; принята к публикации 19.12.2020.